

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ
И РЕЛИГИЯ

А. П. КАЖДАН

**ПО ЭТАПАМ
ПЕРВОБЫТНЫХ
ВЕРОВАНИЙ**

Доктор исторических наук
А. П. Каждан

ПО ЭТАПАМ ПЕРВОБЫТНЫХ ВЕРОВАНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1967

27
K-58

1-5-8

Сколько есть религий? Сколько было и уже перестало существовать? Нелегко ответить на эти вопросы, да вряд ли и нужны кому-нибудь точные цифры. Христианство в трех его главнейших проявлениях (католицизм, православие, протестантизм), буддизм, ислам, конфуцианство, индуизм, синтоизм, иудаизм — список далеко не полный. Сколько религий, существовавших в прошлом, теперь забыто!

Давным-давно уже пришли в запустение храмы египетских и финикийских, вавилонских и греческих богов, разрушены святилища Перуна и Стрибога, прекратились кровавые жертвоприношения во славу древнемексиканских идолов. Сам собой возникает вопрос — один из самых трудных вопросов, какой только можно предложить верующему: почему религий много?

Как же отвечает верующий на этот вопрос?

Прежде всего он может сказать, что хотя религий много, только одна из них истинная — та, которую он исповедует. Допустим, что наш воображаемый собеседник — христианин; с его точки зрения, лишь христианство — истинное учение о боге, тогда как все остальные религии лишь заблуждение, идолопоклонство, язычество. Только христианство, по его мнению, обладает абсолютной истиной — исламу или буддизму она недоступна.

Точка зрения, прямо надо сказать, не новая: с ее помощью на протяжении средневековья оправдывали крестовые походы, захваты чужих земель, сожжение еретиков. Время от времени ее подновляют: сторонники так называемой «диалектической теологии», сформировавшейся на Западе после первой мировой войны, утверждали, что в отличие от религий, от произвольных творений человеческой мысли, христианство — кризис всех религий, «конец всех религий»; оно не имеет ничего общего с религиями, оно уникальное явление в истории человечества, высшая и единственная истина.

Однако приглядимся к этим рассуждениям — убедительны ли они? Почему именно христианство — кризис всех религий,

а не ислам или, скажем, буддизм? Говоря иными словами, чем доказывается истинность христианства и ложность ислама, индуизма, конфуцианства? Логических доказательств нет, остается прибегнуть к своего рода историческому аргументу: христианство, говорят нам, было создано в результате божественного откровения, в результате проповеди воплотившегося сына божьего.

Нетрудно убедиться, что подобные рассуждения увлекают нас на путь сомнительной аргументации. Пусть даже мы предположим, что Иисус Христос реальное лицо, разве есть доказательство того, что именно он — сын божий, что он, а, скажем, не Мухаммед или Будда, провозвестник божьей воли? Выяснившееся в последние годы тесное (вплоть до фразеологии) родство раннехристианской проповеди с учением кумранских эссенов¹ особенно убедительно снимает с Нового завета ореол уникальности: выясняется, что сын божий проповедовал почти то же самое, что палестинские сектанты проповедовали задолго до него, а во многих случаях даже теми же самыми словами.

Но допустим, что христиане правы и проповедь их учителя есть действительно откровение божье. Не странно ли в таком случае, что уже после этого откровения человечество создает новые религии: манихейство в III веке н. э., ислам в VII веке н. э.? Не странно ли еще более, что бог обрек человечество в течение сотен тысяч лет до явления Христа пребывать во тьме неверия, оставаться во власти злых духов и отправлять языческие культы — и только затем открыл ему истину?

Логика, впрочем, не всегда убеждает верующего: обратимся к иной системе доказательств, для него более веской, — к цитате из священного писания. В «Деяниях апостольских» рассказывается о прибытии Варнавы и Павла в малоазийский город Листру и о божественных почестях, оказанных апостолам жителями Дистры, решившими, что к ним снизошли Зевс и Гермес. Павел и Варнава, однако ж, воскликнули: «Мужил! Что вы это делаете? И мы — подобные вам человеки, и благовестуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них; Который в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши» (Деян., 14, 15—17).

Итак, оказывается, сам апостол Павел свидетельствует, что господь не оставил своим вниманием предшествующие

---

¹ Об учении эссенов см. И. Д. Амусин. Находки у Мертвого моря. М., «Наука», 1964.

поколения и указал им их пути. Следовательно, этот аргумент придуман не мною, его с самым серьезным видом (наряду с другими цитатами из Нового завета) приводит западногерманский богослов Э. Бенц¹ — откровение было доступно человечеству до проповеди Христа.

Теория исключительности одной религии (в частности, исключительности христианства) не выдерживает критики: но если нельзя сказать, что одна религия — истинная, остальные же ложные, то как все-таки объяснить многообразие религий?

Существует старое буддийское предание о царе, правившем в Шравастии, о царе, который собрал некогда всех городских слепцов и велел им дотронуться до слона. Один коснулся хобота, другой бивней, кто провел рукой по хвосту, кто — по ноге. И спросил царь слепцов: «Ну, каков же слон?» Тогда один из них сказал, что слон подобен рукоятке плуга, другой — колонне, третий — корзине, а тот, кто прикоснулся к кончику хвоста, твердил, что слон похож на веник. И на потеху царю они принялись тузить друг друга, отстаивая каждый свое суждение, казавшееся истинным.

Подобно автору этой легенды, и верующий может сказать, что религии — каждая по-своему и каждая неполно — передают абсолютную истину, что каждая религия несет в себе частицу откровения, что каждая есть — пусть неполное — отражение трансцендентного, отражение бога.

Посмотрим, однако ж, к каким последствиям должно привести подобное предположение.

Если мы допустим, что религия как откровение божье была дана человечеству с самого начала его существования, то возникает вопрос: почему в дальнейшем бог посылал новых пророков, проповедовавших и насаждавших, кстати сказать, совсем разные религии? Если христианство, буддизм, ислам и т. д. отражают — каждое — лишь часть истины («слон есть веник»), то как согласовать это с учением о проповеди на земле самого сына божьего? Неужели сын божий открыл людям лишь часть истины, а не истину целиком? Но где в таком случае уверенность, что он действительно сын божий?

Если мы допустим, что религия как откровение божье появилась вместе с появлением человечества, нам нужно будет допустить, что эта религия была высшей формой религии, верой в высшее существо, ведь в откровении человечество должно было прикоснуться к истине в последней инстанции. Именно так, кстати сказать, рассуждал католический этнограф и историк религии В. Шмидт, выдвинувший теорию прамоноотеизма, т. е. изначального единобожия человечества.

Однако теория Шмидта не получила признания не только

---

¹ E. Benz. *Ideen zu einer Theologie der Religionsgeschichte*. Wiesbaden, 1960, s. 53.

в советской, но даже и в зарубежной науке, — настолько резко расходится она с фактами. Дело не в одном том, что археологические памятники, сохранившиеся от древнейших ископаемых людей, не содержат никаких следов не только единобожия, но и религиозности вообще¹. Даже этнографический материал, послуживший исходным пунктом для построений Шмидта, не выдерживает критики: те мифологические существа, в которые верят некоторые малоразвитые народы, не имеют ничего общего с богом-творцом.

Короче говоря, теория изначального откровения не может быть ничем обоснована. Существование множества религий — факт, находящийся в непримиримом противоречии с богословским учением о божественном происхождении религии.

Но если религия не есть результат божественного откровения, не можем ли мы считать ее естественным свойством человека, результатом врожденных эмоций, например стремления к прекрасному, или даже сексуальных переживаний, как это предполагал З. Фрейд?

Подобные теории неприемлемы для богословия, ибо они антропоцентричны, т. е. выводят религию не из божественного, а из человеческого; более того, они в известном смысле материалистичны, поскольку ищут корни религии подчас в физиологии, в материальной жизнедеятельности человеческого организма. Подобные теории существенны для понимания религиозных переживаний отдельного человека, но вряд ли они приблизят нас к пониманию причин многообразия религии.

Действительно, как единообразная физиологическая или психологическая деятельность человеческого организма может послужить причиной возникновения разнообразных религий? Далее, как может быть объяснен с этих позиций безрелигиозный период в истории человечества? Мы уже говорили, что первоначальная история людей не оставила никаких следов религии, и мы с одинаковым успехом или неуспехом можем предполагать существование или отсутствие у питекантропа и синантропа веры в бога. Но наши оппоненты охотно возразят, что питекантроп и синантроп жили давно, и наука немного знает об их образе мышления. Обратимся поэтому к временам более близким и более известным.

История религиозности не предстает перед нами в виде ровной линии. Она знает резкие подъемы и спады, нарастающие религиозных чувств и успехи атеистического мирозерцания, периоды бурного богоискательства и полосы религиозного безразличия. Если бы религия была естественной функцией нашей психической или физиологической деятельности,

---

¹ См. С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., Политиздат, 1964, стр. 7.

как могли бы мы объяснить эти подъемы и спады? Как могли бы мы объяснить религиозный индифферентизм в последний век Римской республики или накануне Французской буржуазной революции? Ведь нельзя допустить существование общества, отказавшегося от еды, сна или иных проявлений жизнедеятельности организма.

Но если религия — не откровение и не естественная функция человеческого организма (без которой организм не мог бы существовать), остается только одно — искать ее корни в условиях общественной жизни.

Религия есть совокупность представлений и обрядов, порожденных допущением реального бытия сверхъестественных сил (сверхъестественных существ или сверхъестественных свойств и отношений предметов реального мира), наделяемых в той или иной степени личными качествами (воля; любовь и т. п.), — сил, от которых человек так или иначе ощущает себя зависимым и воздействовать на которые он стремится. Эта совокупность представлений и обрядов на протяжении истории человечества не остается неизменной, причем большие религиозные перевороты в общих чертах совпадают с большими общественными сдвигами. Однако социально-экономические процессы воздействуют на религиозную жизнь не непосредственно, а через человеческую психику. Поэтому если мы скажем, что корни первобытной религии следует искать в экономической слабости человечества на раннем этапе его истории, — это будет истина лишь в очень относительном приближении, и механизм религиозного творчества останется от нас скрытым: экономическая слабость общества сама по себе не объясняет появление тотемизма или ритуальных танцев. Лишь в редких случаях экономические обстоятельства непосредственно отражаются в религиозных представлениях, обычно же они воздействуют на человеческую психику, порождая в ней определенные перемены и, в частности, эволюцию форм религии.

При этом религия не достояние того или иного индивида — она всегда принадлежит коллективу, всегда порождается коллективной (социальной) психикой, и истоки ее, следовательно, находятся не в индивидуальных психических переживаниях, будь то любовь или страх, а в коллективных (социальных) представлениях людей.

В те далекие времена, к которым относятся первые следы человеческой деятельности, люди, едва выделившиеся из животного царства, вели трудную борьбу за жизнь: беспомощные перед болезнями, перед стихийными бедствиями, перед клыками медведей и тигров, они редко доживали до 30 лет. И все-таки они успешно боролись с трудностями, преодолевали невзгоды. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, люди жили и боролись в коллективе, во-вторых,

они в отличие от животных умели делать орудия труда.

Как ни велик путь от грубых кремневых пластинок до современных космических кораблей, без примитивных изделий из камня, дерева и кости не было бы современной цивилизации.

Первые люди, жившие сотни тысяч лет назад, не ведали о религии. Религиозные представления возникают на основе довольно развитого сознания, а первобытные люди еще не были способны к абстрактному мышлению. Их язык состоял из ряда простейших выкриков, предупреждающих об опасности, выражающих боль или радость. Проходили тысячелетия, прежде чем коллективный опыт создавал и закреплял новый способ охоты, новый вид орудий.

И все же, хоть и медленно, человечество продвигалось вперед: оно научилось пользоваться огнем, люди освоили пещеры для жилья, стали рыть землянки, покрывая их настилом из ветвей.

Первобытное мышление отличается некоторыми особенностями¹. Это прежде всего отсутствие строгой логики. Конечно, было бы неверным полагать, что мышление первобытного человека было совершенно чуждо логике; без элементарных логических связей невозможна успешная охота, невозможно изготовление простейших орудий, невозможно одомашнивание животных и возделывание земли. И все-таки опыт человечества на раннем (хотя и весьма длительном) этапе истории был настолько ограниченным, что наряду с элементарными логическими связями коллективное сознание устанавливало и удерживало бесконечное множество ложных связей между предметами и явлениями реального мира. «Яблоко, отрываясь от ветки, падает на землю» и «За криком ворона следует смерть человека» — эти два умозаключения, логическая ценность которых с нашей точки зрения столь неодинакова, для первобытного мышления могли обладать одинаковой истинностью.

С этой особенностью первобытного мышления тесно связана и другая: первобытный человек еще недостаточно четко разграничивает отдельные элементы мира — одушевленную и неодушевленную природу, людей и животных. Он не видит принципиальной разницы между бытием человека, бизона, камня, и весь окружающий мир кажется ему связанным нитями прочного родства.

Не отделяет первобытный человек еще достаточно четко себя и среду, Я и Не-я: ему не всегда ясно, где кончается он сам и где начинается другое существо, представляющееся ему подчас лишь инобытием его самого.

---

¹ См. Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление, М., «Атеист», 1930 и Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., ГАИЗ, 1937,

Есть еще одна особенность первобытного мышления: его эмоциональность. Первобытный человек был куда эмоциональнее нас. Более вспыльчивый, чем мы, он легко переходил от одного настроения к другому, от подавленности к бурному веселью. Абстрактные логические рассуждения были ему не свойственны, его мысль двигалась в мире ярких образов, сложенная множеством конкретных и второстепенных деталей. Отсюда проистекало то, что мы могли бы назвать мифологичностью мышления: отношения между простыми предметами реальности приобретали причудливые очертания, казались фантастическими, сказочными.

Вместе с тем первобытному мышлению свойственна другая особенность, казалось бы противоречащая эмоциональности — формальность. На первый взгляд, эмоциональность восприятия представляется синонимом независимости, переходы от одного настроения к другому — проявлением свободы; с формальностью связывается у нас ощущение извне навязанной, внутренней человеку не присущей воли. Это столь естественное противопоставление тем не менее ложно.

Эмоциональность первобытного человека со всей свойственной ей резкостью перемен настроения, со всей остротой и яркостью восприятия столь же «свободна», сколь «свободен» полет птиц, ежегодно в осеннюю пору поднимающихся в воздух, чтобы собраться в стаю и двинуться в южные края. Бурность реакций — показатель отсутствия внутренней регуляции эмоций, а именно последняя характеризует свободное, волевое поведение индивида.

Поэтому формальность мышления в действительности не противостоит эмоциональности, а, напротив, дополняет ее. Формальные, ставшие традиционными действия, повторяющиеся, привычные образы, превращающиеся в ритуал, вызывают у первобытного человека реакцию, пожалуй, более острую, чем свежие, новые, неожиданные впечатления.

Первобытное мышление и первобытное искусство обращаются к повторяющимся, традиционным образам не в силу своей неразвитости, а именно потому, что освещенное обычаем, установившееся, привычное и, следовательно, вызывающее определенные эмоции кажется человеку более действенным, обладающим, как мы бы могли теперь сказать, более значительной эстетической информацией.

Обратимся теперь, после этих предварительных замечаний, к самой первобытной религии. К числу древнейших форм религии можно отнести: чествование промыслового зверя, тотемизм, ведовство (вредоносные обряды), знахарство, погребальный культ.

Чествование промыслового зверя — это совокупность магических действий, направленных на то, чтобы сверхъестественным путем заставить зверя дать себя убить: ритуальные тан-

ны, подражающие охоте; изображения животных, поражаемых копьями; всевозможные заклятья.

...В Пиренейских горах множество пещер. Если проникнуть в мрачные и сырые гроты, то они внезапно оживают: стоит зажечь фонарик, как из мрака выступают нарисованные на стенах фигуры оленей, лошадей, бизонов; посредине залов вы увидите глиняные статуи быков и медведей, созданные около 20 тысяч лет до н. э.

Поставим перед собой такой вопрос: зачем же надо было тратить силы и время, покрывая стены пещер подобными изображениями? И тут мы должны еще раз вспомнить то, о чем уже говорили: мысль первобытного человека нередко уходила по ложному пути, устанавливая ложные связи. Первобытный человек начинал верить, что, если нарисовать пораженное копьем животное, обеспечишь успех на охоте; если нарисовать много животных, то в лесах и степях зверей станет больше.

Фантазия первобытного человека подсказывала и другие пути магического воздействия на природу: создавались всевозможные церемонии и танцы, назначением которых было либо увеличить число рыб, животных, растений, служивших пищей человеку, либо же обеспечить успех рыбной ловли и охоты. Позднее, с распространением животноводства и земледелия, сходная промысловая магия распространилась и на эти отрасли хозяйственной деятельности: пахота и сбор урожая сопровождалась или предварялась ритуальными плясками и пением, которые должны были обеспечить успех сельскохозяйственных трудов.

Тотемизм — это представление о сверхъестественном родстве человеческого коллектива с определенным видом животных или растений; тотемное животное — не только источник пищи, но и брат человека; более того, он устроитель мира, создатель обычаев, творец порядка.

В пиренейских пещерах представлены попеременно самые разные виды охотничьей добычи, самые разные виды животных. Люди еще не делали разграничения между ними; им были равно важны и олени и лошади. Постепенно положение изменилось. Когда первобытные коллективы сплотились и сородичи отчетливее стали ощущать свое родство, у них возникло представление об общем происхождении от какого-то животного или растения, обычно от того, которое служило для них самым важным источником пропитания. Люди называли свой коллектив именем этого животного (род Оленя или Медведя), именовали себя братьями этого животного.

Итак, если первоначально магические обряды были направлены на увеличение числа всяких животных, растений, рыб, то с развитием тотемизма круг почитаемых предметов

суживается: все обряды сосредоточиваются вокруг тотема, кормильца и прародителя.

Тотемизм заключал в себе противоречие, которое послужило источником дальнейшего развития религиозных представлений. Действительно, тотем — это источник пищи и вместе с тем предок рода; убивая тотемное животное, люди как бы убивали родственника, совершали тягчайшее преступление. Поэтому тотемизм привел к созданию еще одного обряда — очищения охотника от пятна, брошенного на него умерщвлением тотема.

С развитием производства и упрочением родовых коллективов тотем приобретает новые функции: он становится в фантазии людей создателем и хранителем общественной морали. Африканские пигмеи представляли себе верховное существо в конкретно-тотемическом облики: либо радугой, либо гигантским слоном. Это верховное существо, полагали пигмеи, запретило воровство и прелюбодеяние, приказало почитать стариков, установило обряды и празднества. Верховное существо пигмеев — отнюдь не бог: ему не свойственно понятие вечности, всемогущества, всеблагости, это фантастический тотем-предок, устроитель мира.

Так постепенно тотемизм теряет свою хозяйственную основу: из источника пищи тотем превращается в источник моральных норм, реальные свойства тотема отступают на задний план, заменяются фантастическими. Тотем-радуга не кормит людей своим телом, как кормил их тотем-олень; тотем на позднем этапе — коллективная душа рода, сверхъестественный ускоритель мира¹.

Позднее появляется представление о существовании у предметов реального мира душ-двойников — представление, которое было названо анимизмом и которое долгое время считали наиболее древней формой религии. В основе анимистических взглядов лежит представление о самостоятельном существовании явлений сверхъестественного мира, о том, что их бытие обособлено, отделено от бытия реальных вещей: есть дерево и душа дерева, тигр и душа тигра, человек и душа человека и т. п. Такие взгляды предполагают значительное развитие абстракции, они сложились позднее представлений, наделявших сверхъестественными свойствами предметы реального мира.

Погребальный культ содержит в себе две стороны: во-первых, стремление обезопасить живых от вредоносных воздействий покойника; во-вторых, стремление привлечь на свою

---

¹ Среди 700 тотемов, засвидетельствованных у аборигенов Австралии, 56 оказываются предметами и явлениями природы (ветер, солнце, вода, камни, звезды), тогда как большинство — животные и растения.

сторону умерших сородичей. То и другое предполагает умилование мертвых: их кормят (т. е. приносят им жертву), им сооружают жилище (гробницу).

Душа, покидающая после смерти человека его тело, представлялась первобытному человеку надленной материальными заботами и интересами. Прежде всего она нуждалась в пище и жилье, поэтому очень рано возникает обычай оставлять мертвецу припасы, вырывать для него могилу-землянку. Чтобы сообщить мертвецу силу, его осыпали красной охрой — краской, символизировавшей кровь. Помимо того, душа покойника сохраняла свои страсти: она могла причинить вред живым.

Так рождался страх перед мертвецом и желание обезопасить себя от злых действий души: мертвцов связывали и пеленали, чтобы сковать их действия; дом, где умирал человек, покидали, скрываясь некоторое время в лесу; выносили покойника из дома вперед ногами, чтобы он не мог найти дороги обратно (обычай, сохранившийся до настоящего времени); криком отпугивали душу, махали пучками ветвей... Все эти обряды основаны на представлении о телесности души.

Ведовство, или система вредоносной магии, проистекало из страха человеческого коллектива перед чужим (и уже в силу одного этого враждебным) коллективом людей, страха, который заставлял фантастически приписывать всякую болезнь и смерть сознательным вредоносным магическим обрядам какого-либо из соседних родов или племен. Соответственно каждый человеческий коллектив верил в возможность обратного влияния, воздействия собственного ведовства на соседей, в возможность причинить им ущерб, наслать смерть и болезнь, что достигалось, разумеется, с помощью особого ритуала, формальных действий.

Знахарство — это причудливое смешение народной медицины, т. е. тысячелетним опытом выработанных целесообразных приемов лечения, с системой магических действий, формальных обрядов, которые должны были колдовским образом обеспечить успех лечения, подобно тому, как чествование промыслового зверя «обеспечивало» успех охоты.

Вглядимся в эти наиболее существенные формы религиозной фантазии первобытного человека. Можем ли мы сказать, что они пронизаны устремлением в бесконечность, к высшему существу, поисками трансцендентного? Отнюдь нет. Но они не вызваны к жизни и любопытством дикаря, будто бы пытавшегося с помощью религии ответить на недоуменные вопросы, которые вызывали у него смерть, сон, гром и другие загадки природы (так объясняют появление религии сторонники анимистической теории, видевшие в анимизме — одухо-

творении природы — первоначальную, исходную форму религии¹.

Первобытный человек обращается мыслью к сверхъестественному, еще не замечая, что оно сверхъестественное. Сверхъестественное для него столь же реально, как и реальный мир. Да и само сверхъестественное еще, если так можно выразиться, ограничено: особых сверхъестественных существ первобытная фантазия на первых порах не создает, она лишь наделяет сверхъестественными свойствами реальные предметы и реальные существа или ставит их в сверхъестественные отношения.

Религия — и это чрезвычайно существенно — на раннем своем этапе имеет дело не с сверхъестественными существами (боги, ангелы, нимфы, демоны), а со сверхъестественными свойствами обыденных, чувственно воспринимаемых объектов: животных, вещей, деревьев. Прежде чем появится нимфа дерева, то или иное реальное дерево само по себе внезапно наделяется фантастическими свойствами. Такие предметы реального мира, наделенные (в человеческом воображении) сверхъестественными свойствами, в науке принято называть фетишами, а веру в их сверхъестественные свойства — фетишизмом.

Формальности первобытного мышления отвечала в сфере религиозности магия. Магия пронизывала весь быт, она окружала человека от рождения до смерти. Когда младенец являлся на свет, многие племена совершали обряд кувачи: отец ребенка ложился в постель; стонал, отказывался от пищи и, наконец, «рождал» камень, который осторожно заворачивали в пеленки. Магический акт кувачи должен был установить родство между отцом и ребенком, установить права отца на ребенка. Затем новорожденного следовало очистить от скверны: чистые стихии — огонь и вода — обычно служили для этого. Младенца окропляли водой или погружали в воду. Чтобы оформить превращение мальчика в полноправного воина, тоже совершали специальные магические обряды: выдирали зуб, обрезали крайнюю плоть (ритуальное обрезание), заставляли ложиться на только что потушенный костер, заваленный сырыми ветвями, от которых подымался дым.

Были магические обряды, способствовавшие победе над врагом, и обряды, предназначенные излечить хворого; специальные магические обряды позволяли установить, кто виновен в кончине человека, и специальные обряды сопровождали покойника в последний путь.

Но особенно важное место принадлежало магическим обрядам, связанным с производственной деятельностью челове-

---

¹ Э. Б. Тейлор. Первобытная культура. М., Соцэкгиз, 1939.

ка, в первую очередь с земледелием. Земледельческий труд причудливо слился в человеческой фантазии с половым актом и смертью; вскапывание представлялось оплодотворением матери-земли, а зерно, погруженное в землю, словно умирало для того, чтобы возродиться к новой жизни. Поэтому пахота сопровождалась буйными плясками и непристойными песенками, а то и ритуальным соитием на поле. Все это должно было магически воздействовать на землю, помочь ей принести обильный урожай.

Человек постепенно освобождался от своего родства с тотемами-зверями, ему уже не нужно было вымалывать пищу у оленей и лошадей. Его кормильцем, тотемом и фантастическим предком стало зерно, ежегодно умирающее и воскресающее. Праздник урожая сопровождался вкушением плоти тотема-предка, торжественным «богоедством»: люди причащались плотью тотема и вместе с тем просили у него прощения, как их далекие предки просили прощения у убитого «дедушки»-медведя.

Анимистические верования и поклонение духам породили в эту пору культ предков. Упрочение родовых уз в связи с оседлым образом жизни создавало представление о том, что мертвецы продолжают оставаться сородичами, продолжают помогать своим потомкам. Из угрожающей и опасной силы дух покойника превращается теперь в покровителя; прежде магические обряды на свежей могиле были направлены на то, чтобы удалить мятущуюся душу, освободить от нее живых, обмануть или напугать ее, теперь земледельцы и скотоводы старались удержать душу предка, умиловать ее.

По мере развития культа предков все более детальными становились представления о загробном мире, куда вела долгая и трудная дорога: опасные переправы, грозные звери стерегли доступ в страну мертвецов, где покойники попадали в привычную обстановку — жили в хижинах, охотились, возделывали землю.

В ту пору начинает формироваться культ земли и великих космических сил: солнца, неба, луны — и тесно связанных с ними явлений: грома, ветра, дождя. Земля обычно рисовалась в женском облике, ибо первыми земледельцами, приходившими на поле с мотыгой, были женщины. Гром казался огромной птицей, машущей крыльями, солнце — глазом небесного быка. Вместе с тем на солнце были перенесены черты, свойственные тотему — устройтею мира: древние предания повествуют о том, как солнце боролось со злым чудовищем, терпело на первых порах поражение, но потом побеждало, чтобы сиять с новой силой. Подобно зерну, солнце время от времени должно уходить в подземный мир, поэтому нередко культ зерна сливался с культом солнца.

Предметом поклонения становились идолы, изображавшие

духов или космические силы; иногда идола бесформенны и только условно могут быть связаны с духом, которого они символизируют, иногда приобретают звероподобный или человекоподобный образ. Идол — не только символ духа, но и сам по себе связанный предмет, фетиш, наделенный сверхъестественной силой. На первых порах трудно было разобраться, кому поклоняется человек — духу или деревянному идолу. Вместе с тем отношение к идолам оставалось весьма панибратским, люди еще не ощущали суеверного страха перед фетишами: греческие пастухи пороли крапивой своих идолов, если те не внимали их просьбам. Новгородцы относились с покровительственной насмешкой к идолу Перуна. Когда в городе было насильственно введено христианство и статую старого бога сбросили в воду, новгородцы кричали ей вслед: «Досыта еси поел, понил, а ныне поплыви прочь». Напротив, киевляне расставались с Перуном в слезах: они бежали за плывущим идиолом и подбадривали его возгласами: «Выд-бай, боже!».

Важнейшими средствами воздействия на космические силы и на духов считались заклятье (закливание) и жертва. Мир духов и космических сил не отделялся непроходимой гранью от мира людей: как и люди, духи нуждались в пище. В жертву духам приносили прежде всего то, что можно съесть: быков и овец, плоды и хлеб. Часть жертвы сжигалась, остальное поедали участники жертвоприношения.

Заклятье — прямое словесное обращение к духу с просьбой о здоровье или успехе — часто сопровождало жертву, которая таким образом превращалась в плату духу за помощь. Были места, считавшиеся священными: заклятье, произнесенное в таком месте, оказывалось, по мнению первобытного человека, более действенным. Более действенным было заклятье и в тех случаях, когда люди приводили себя в состояние экзальтации: длительный пост, наркотики, опьяняющие напитки — все это имело религиозное назначение. Люди приходили в нервное возбуждение, им чудилось, что они видят духов, общаются с ними, что духи отвечают им.

Итак, формы религии первобытного человека находят свое объяснение в специфике коллективных представлений, в специфике общественного мышления той эпохи с его малым опытом, с его неумением достаточно четко отделить сущее от несущего, с его постоянной эмоциональной приподнятостью.

Но в чем же задача первобытной религии? Она — земная в своей сущности, ибо с помощью религии первобытный человек стремится превратными средствами воздействовать на земной мир: на природу, на других людей, на болезни, даже на общественные порядки, которые объявляются созданием тотема и ставятся под защиту специальных религиозных запретов (табу). Еще и еще раз я возвращаюсь к этому тезису:

религия при своем возникновении не философствование о высоких материях — о боге, о смерти, о бесконечности, — но попытка вмешаться в отношения земные, реальные и воздействовать на них, хотя и сверхъестественными средствами, которые человек того времени еще не ощущает как сверхъестественные.

Земные корни отчетливо видны уже у колыбели религии.

На протяжении истории человечества религия видоизменяется. Современные религии — христианство, буддизм, ислам — весьма непохожи на религии первобытного мира. Однако всякая религия в классовом обществе по-прежнему выступает как своеобразное «восполнение» действительности, целью которого является создание мифологического «дубликата» реального мира. В этом мифологическом дубликате оказывается возможным то, что невозможно в действительной жизни; само пространство и время освобождаются от ограничений, присущих реальности, но мифологический мир строится из кирпичиков земного мира (хотя и преобразованных человеческим сознанием) и мыслится как связанный с нашим бытием, как способный влиять и воздействовать на него¹.

Кроме того, само изменение религий консервативно: переживая те или иные преобразования, религии упорно сохраняют многочисленные черты старого. И это естественно: религия рождается не непосредственно из общественных сдвигов, но опосредствованно, через сдвиги в общественной психике, в коллективных представлениях, а общественное сознание по самой своей природе более консервативно, чем экономика и чем социальные формы. Коллективное сознание упорно удерживает архаичные представления или преобразует их, сливая старое и новое в причудливую амальгаму.

Посмотрите, как сложен и многообразен образ какого-нибудь греческого божества, например Зевса. В этот образ вплетается первобытное поклонение тотему-зверю, и Зевс выступает как бог-бык, похищающий в бычьем образе прекрасную Европу. Вместе с тем он бог зерна, бог умирающий и воскресающий, и на Крите даже показывали его могилу. Но и этого мало: Зевс — бог грома, громовержец (когда-то, в далекие времена, люди верили, что гром это хлопанье крыльев огромного орла, и орел, по греческой легенде, становится птицей Зевса). Наконец, Зевс — царь богов, представление, которое, разумеется, не могло возникнуть раньше, чем возникла царская власть на земле.

Короче говоря, с именем Зевса связаны различные легенды, созданные в разные времена: новые предания и представления не вытесняли, но лишь видоизменяли старые, переплетались с ними.

---

¹ Ю. А. Левада. Социальная природа религии. М., 1965, стр. 84.

Не менее многослоен, пожалуй, чем образ Зевса, и центральный образ христианской религии — образ богочеловека Иисуса Христа.

Подобно тому, как Зевс оборачивается быком, Христос выступает ягнцем, агнцем. Агнцем называют его новозаветные книги: Откровение Иоанна, Первое послание Петра. Агнцем изображали его первые христиане в катакомбах, где они собирались для молитвы. Правда, в VII веке н. э. церковный собор вынес постановление, запрещающее рисовать или лепить Христа в облике барашка-агнца, но самое это запрещение лишней раз напоминает, насколько были распространены подобные представления. Вместо агнца Христа стали изображать «добрым пастырем» — пастухом с ягнцем на плечах...

Однако Христос не только агнец, он также бог растительности, земледельческое божество, чья плоть — хлеб, чья кровь — вино. Разве не говорит он сам: «Я есмь истинная виноградная лоза»? Разве не дает он ученикам во время тайной вечери хлеб как тело свое и чашу с вином как свою кровь? Разве не умирает он для того, чтобы воскреснуть, как умирает каждый год зерно, чтобы родиться вновь?

В самом образе Христа — верующие обычно не видят и не хотят это видеть — сохраняются архаичные представления, родственные первобытным верованиям и по происхождению восходящие к ним. По происхождению — древние, но приобретающие в новых условиях иное, новое функциональное значение.

Каждая религия сохраняет элементы предшествующих религий: образы богов, ритуал, в несколько меньшей степени — богословские системы. Пожалуй, богословские системы наиболее подвижны, наиболее изменчивый элемент религий, наиболее подверженный влиянию времени.

Действительно, основные черты христианского богослужения, христианских таинств, христианских праздников и постов обнаруживаются уже в дохристианских верованиях и обрядах, но христианское учение о боге, о мире, о человеке может быть сближено не столько с предшествующими религиями, сколько с современными христианству философскими системами — со стоицизмом, с неоплатонизмом.

Как же происходит развитие религий? Чем оно вызывается?

Факт развития религий, вытеснения одних другими порождает у вдумчивого верующего очень большие затруднения. Можно было бы говорить о постепенном замутнении первоначально чистого источника, но я старался показать выше, что теория изначального монотеизма не обосновывается фактическим материалом. Можно было бы говорить о постепенном приближении человека к познанию трансцендентного,

познанию бога, но это в корне подрывало бы тезис об откровении, ибо как может совершенствоваться то знание, которое дано самим богом и, следовательно, абсолютно? К тому же, говоря о первобытной религии, мы констатировали, что она была чем угодно, только не попыткой познать трансцендентное, что она была направлена на земные цели.

Обратимся теперь к религиям, приходящим на смену религии первобытной — к религиям раннеклассового общества. (В данной связи целесообразно говорить не о рабовладельческом обществе, а именно о раннеклассовом, т. е. о первоначальной стадии рабовладельческого общества, поскольку на протяжении истории рабовладельческого строя религия переживает очень существенные перемены — вплоть до создания ряда так называемых мировых религий. Развитие религии не всегда совпадает прямо и непосредственно с развитием общественно-экономической формации).

В религиозных представлениях и обрядах раннеклассового общества мы можем выделить две стороны: элементы, сохранявшиеся от первобытных религий, и новые элементы. Тотемизм, магические обряды, «содействующие» росту зерна, культ мертвых, посты, жертвы, заклатья, религиозные запреты — все это возникло еще в первобытном мире, и все это сохраняется в религиях раннеклассового общества, по-своему преобразуемое в каждом отдельном случае.

Остановимся детальнее на том, что отличает религию этого времени от религии первобытной.

В первобытной религии, как правило, отсутствует представление о высшем существе, о боге, во всяком случае, о могущественном боге, управляющем вселенной. Напротив, религия раннеклассового общества создает образы могущественных богов. Это не тотемы, не звери-предки, они обычно человекообразны; у них на головах короны, в их руках скипетры, они подобны земным царям.

Раннеклассовая религия политеистична, люди верили тогда в существование множества богов, ведавших отдельными областями земли и отдельными сферами мироздания: были боги ахейцев, нападавших на Трою, и боги троянцев — те и другие одинаково признавались реальными и почти одинаково могущественными; были боги солнца и грома, моря и неба; были боги войны, гончарного ремесла, пахоты.

Первобытная религия не знала социального неравенства. Всем членам общества она сулила после смерти одинаковую судьбу, обычно донельзя похожую на жизнь в этом мире.

Религия раннеклассового общества порывает с этим «загробным демократизмом»: людям разного социального статуса она сулит разную судьбу после смерти. Тот, кто богат и знатен, кто в состоянии построить себе величественную гробницу, изобразить на ее стенах роскошные пиры и веселые

забавы, трудящихся пастухов и пахарей, тот после смерти найдет пристанище в стране блаженных и будет там пировать под рокот арф или охотиться в зарослях на диких уток и кабанов; его ждет изобилие, ибо для него будут пахать землю рабы и собирать урожай невольники. Но тот, у кого ничего нет? Кто сам раб в чужой стране, оторванный от сородичей? Или бедняк, умирающий с голода, лишенный хижины? Ведь эти люди не могли обеспечить себе заупокойный культ и, следовательно, не могли магически открыть себе дорогу в страну блаженных.

В религии раннеклассового общества появляется также совсем новый элемент: культ царя. Если богу придаются черты земного царя, то и царь поднимается до божества. Ему создают родословную, возводящую его происхождение к тому или иному из богов. Так, Александр Македонский не постеснялся поведать миру, что его мать нарушила супружескую верность и сошлась с божеством, а плодом этой страсти и явился он, Александр. Дети богов, цари, после смерти сами становились богами. Такое посмертное превращение в бога называлось по-гречески «апофеоз», и слово это вошло в наш язык, хотя и в ином значении.

В религии классового общества нередко проступают такие элементы старых верований, которые противостоят новым религиозным представлениям. Мы видели, что первобытной религии свойствен образ доброго предка (первоначально — тотема), который создает мир и покровительствует людям, обучая их возделывать землю и соблюдать нравственные принципы.

Древнегреческая мифология сохранила образ такого боготворца — Прометея: он вылепил людей из глины, дал им огонь, научил их искусствам. Но в религии классового общества Прометей был оттеснен на задний план богами-олимпийцами, (получившими такое имя потому, что, по представлениям греков, они обитали на высокой горе Олимп в Северной Греции). Боги-олимпийцы (Зевс, Афина, Аполлон, Арес и другие) не трактовались греческой мифологией как творцы мира и людей. Нет, они пришли уже в созданный мир, обманом и насильем овладели им, низвергли старых владык в подземное царство. Как настоящие завоеватели, они не склонны трудиться: их излюбленные занятия — война, любовные утехы, пиры. Единственный бог-труженик, допущенный на Олимп, — это Гефест, бог-кузнец, тот, кто ковал оружие, столь необходимое задиристым олимпийцам.

Так столкнулись в греческой мифологии два ряда фантастических существ: одни, как Прометей, были порождением первобытного мышления, другие, подобно Зевсу, сформировались в своем окончательном облике уже в условиях классового общества. Борьба между ними оказалась неминуемой.

Сохранилось греческое предание о том, что Прометей выступил против богов, что он украд у богов огонь, что он накормил людей мясом, предназначенным для богов. Страшному наказанию подверг его за это царь богов Зевс. Прометей был прикован к скале, и каждый день хищная птица прилетала клевать его печень. Миф о Прометее — явственное отражение торжества религиозных представлений классового общества над верованиями первобытных времен.

Переплетение двух разнородных преданий мы можем наблюдать и в библейском рассказе о сотворении мира. В 1-й главе книги Бытие бог создает мир своим словом из ничего: из ничего возникают звери и птицы, деревья и рыбы, светила и люди. Процесс творения имеет, если так можно выразиться, абсолютно духовный характер. Напротив, 2-я глава повествует о создании человека иначе: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Здесь все, как в первобытных представлениях: процесс творения вполне материален, бог еще не в состоянии создавать из ничего, он творит человека из праха, из земли; душа тоже материальна, подобна ветру, ее приходится «вдунуть» в человека.

Итак, в библейских представлениях о сотворении мира слились два рода легенд: первобытное представление о сотворении как о материальном акте и присущее уже классовому обществу представление о способности бога создавать из ничего. Редакторы Библии сохранили противоречивость двух преданий, хотя они и придали рассказу о первых людях совершенно очевидный социальный колорит: после счастливой жизни Адама и Евы в раю наступает расплата — люди отведали плода с запретного дерева (на которое бог наложил табу — запрет) и были за это прокляты. «В поте лица твоего, — поучал бог Адама, — будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят...» (Быт. 3, 19).

Итак, религия классового общества, в отличие от первобытных верований, трактовала труд как тяжкое бремя, как наказание, видела в нем божественную кару для человека, неповиновение которого и явилось причиной той тяжелой жизни, которую даровали ему боги вместо бессмертного и радостного существования в райском саду. На самого человека религия классового общества возлагала вину за его изгнание из рая.

Легко видеть, что эти черты религии раннеклассового общества были бы немыслимы раньше. Они появляются только тогда, когда складываются классы и государство, когда появляется царская власть. Эти черты — отражение воздействия общественных преобразований на религиозное творчество, причем воздействия непосредственного. Разумеется, царская власть появляется раньше, нежели ее религиозная санкция —

культ царя, неравенство возникает раньше, чем представление о неравенстве загробной судьбы. Религиозное мышление отражает общественные изменения.

Но мы уже говорили, что религия отражает общественные преобразования не столько непосредственно, сколько опосредствованно, через сдвиги в общественной психике, в коллективных представлениях. Здесь мы можем наблюдать изменения двоякого рода. Во-первых, с развитием абстрактного мышления создаются предпосылки для того, чтобы человеческая фантазия творила образы сверхъестественных существ, отличных от существ реального мира. От сверхъестественных свойств реальных предметов к сверхъестественным существам — такова эта эволюция. Попробую пояснить эту формулу.

Когда человеческая фантазия создает представление о душе, это представление первоначально совершенно материально. Душа — двойник тела, оставляющий следы на песке; душа — кровь, сердце, печень; душа может быть уловлена сетью. И только значительно позднее возникает представление о нематериальной душе. Такая же «дематериализация» прослеживается и в легендах о сотворении мира богом.

В архаичных легендах акт творения материален: бог не творит из ничего, он лепит человека из глины на гончарном кругу или создает ему подругу из ребра. В более поздних легендах бог создает мир и тварей одним только своим словом: «И сказал Бог: — Да будет свет. И стал свет».

Во-вторых, религиозная фантазия окрашивается скорбью, безнадежностью, пессимизмом. Приглядитесь к греческим мифам: древнейшие из них полны уверенности в творческой силе человека, позднейшие превращают человеческую судьбу в игралще рока и заставляют самых величайших героев исполнять прихоти бездарных владык. Только теперь, в условиях классового общества, в религиозном мышлении появляются такие важные понятия, как грех, справедливость и несправедливость, воздаяние. Эти понятия не изначальны, их не было в первобытном обществе, религия берет их из жизни, из нового мировоззрения.

Здесь мы останавливаемся перед одним, казалось бы, противоречивым явлением. В условиях первобытного общества человек был в очень большой степени рабом внешних сил — сил природы, однако в своей фантазии он представлял себе, что в силах магически воздействовать на природу и заставить ее подчиниться человеческой воле (всякую неудачу в подобном предприятии он объяснял вмешательством каких-то более могущественных и чуждых ему сил). Отсюда в целом оптимистический, уверенный, радостный взгляд первобытного человека на мир.

Установление раннеклассового общества совпало с огром-

ными производственными успехами: создание систем искусственного орошения, строительство первых городов, овладение искусством плавки металла — все это бесконечно расширяло возможности человека. А в его мировоззрении вообще и в его религиозной фантазии, напротив, все более отчетливо звучали пессимистические ноты.

Именно в эту пору у разных народов создаются легенды о том, что боги лишили людей бессмертия, обрекли на тяжкий труд, едва не погубили, наслав потоп и мор. Именно в эту пору — в пору больших производственных успехов — человек обостренно воспринимает свое бессилие, тогда как раньше он, куда более бессильный перед природой, не воспринимал этого.

Почему?

Не следует идеализировать первобытное общество. Материальные условия жизни были в ту пору невыносимо тяжелыми. Постоянные голодовки и болезни, природные бедствия, перед которыми люди были бессильны, затрудненность коммуникаций, откровенная враждебность инородных и иноплеменных коллективов — все это ограничивало и реальные возможности деятельности человека и его умственный горизонт. Традиционные установления, формально закрепленные магическими обрядами и магическими запретами, создавали внутреннюю порабощенность человека, превращали его в раба традиции, хотя рабство это оставалось неосознанным¹. Но в коллективном сознании общество воспринимало себя как свободное.

Создание рабства повлекло за собой ощущение рабом себя как несвободного, познание своей несвободы — и это было по-своему прогрессивным. Только с образованием классового общества и классового гнета, с появлением несправедливости (как социальной системы) создается то ощущение неуютности человека в мире, которое иначе может быть названо социальными корнями религии.

И вместе с тем появляется — впервые — стремление к справедливости, к преобразованию — в действительности и особенно в мифологическом дубликате действительности — несправедливых общественных отношений в отвечающие какому-то нравственному идеалу.

Надежду на загробное блаженство не следует смешивать с чисто физиологическим страхом смерти. Это ощущение возникает на определенном этапе истории и является в конечном счете порождением и отражением социальных сдвигов.

Самые формы культа претерпевают в раннеклассовом обществе существенные преобразования. Первобытный культ

---

¹ Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, М., «Наука», 1966, стр. 197 и сл.

был делом всего коллектива сородичей и соплеменников. Каждый член рода и племени принимал участие в ритуальных танцах и тем самым оказывал воздействие на сверхъестественные силы. С установлением классового общества в честь богов стали сооружать храмы, где культ справлялся с невиданной пышностью. В глубине храмов воздвигали статуи богов, иногда человекоподобных, иногда еще звероподобных, сохранявших следы своего томического прошлого. Здесь богов умывали и одевали, обильно поили и сытно кормили. Специальные жрецы ведали ритуалом, а обширные земельные владения, приписанные к храмам, и дары верующих позволяли насыщаться не только богам, но и их жрецам.

В раннеклассовом обществе в связи с растущим разделением труда культ оказался делом жреца-профессионала и доступ к уху бога был открыт только ему. Рядовые члены общества потеряли ту магическую силу, которая, по воззрениям первобытности, принадлежала каждому человеку, отныне она стала уделом одних только жрецов.

Суммируя все эти наблюдения, можно сказать, что изменения в религии раннеклассового общества, действительно, были порождены социальными изменениями: в условиях классового общества религия не могла оставаться такой, какой она была в первобытности.

Обращаясь к истории так называемых мировых религий (т. е. религий, порвавших с племенной обособленностью и претендовавших на наднациональный характер), мы опять-таки замечаем, что возникновение их тесно связано с крупнейшими социальными переворотами: буддизм сложился в Индии в VI—V веках до н. э., когда кризис охватил традиционный общественный порядок — кастовый строй; возникновение христианства совпало с коренной перестройкой социального и политического уклада Средиземноморья — отмиранием полисных порядков и установлением единой империи; начало христианской проповеди приходится на первые десятилетия существования империи, торжество христианской церкви — на IV столетие, когда окончательно утвердился монархический режим домината; наконец, становление ислама теснейшим образом переплетено с социально-политическими сдвигами в жизни Аравийского полуострова VII века н. э.

Земные, социально-политические корни нетрудно проследить и при рассмотрении истории возникновения православия: его обособлению от католицизма предшествовала длительная борьба, вызванная и различием общественно-политических порядков в Византии и в Западной Европе, и просто территориальными притязаниями римской и константинопольской церквей. Наконец, возникновение протестантизма в XVI веке тесно связано с той социально-политической борьбой, которая охватила Европу и внутренний смысл которой состоял в на-

ступлении новых, буржуазных элементов на основы феодального строя.

Если бы религия была только отражением трансцендентного, только приближением к божеству, только попыткой разрешить загадки бытия, разве существовала бы такая постоянная связь социально-политических процессов и религиозного творчества?

Но подчеркивая земные корни мировых религий, нужно быть крайне осторожным. Повторяю еще раз: очень редко земные преобразования непосредственно и прямолинейно отражаются в религии; связь материальной причины и ее следствия, выраженного в религиозной форме, опосредствована коллективным сознанием и потому испытывает влияние традиций и национального характера, использует опыт других религий и философских систем; она своеобразно преломляет образы действительности под воздействием чисто психологических факторов.

Наконец, в мифологических образах, в религиозных догматах и богословских системах человечество своеобразно формулирует существенные философские и политические задачи. Вернемся снова к проблеме раскола и образования вместо единой вселенской (католической) и ортодоксальной (православной, т. е. не еретической) церкви двух церквей: римской (католической) и византийской (православной).

События эти происходили сравнительно недавно (около тысячи лет назад), и исторические архивы сохранили нам документы того времени: послания пап и патриархов, памфлеты публицистов, протоколы заседаний. Политическая основа споров выступает в этих дебатах отчетливо: претензии на Болгарию, споры из-за владений в Южной Италии, вторжение крестоносцев в Византию — все это факты, которые не может поставить под сомнение ни один апологет церкви¹.

Меньше бросаются в глаза, но все же достаточно заметны социальные корни раскола: византийская церковь была более демократичной, чем римская, и церковная иерархия в ней менее развитой, менее оформленной, поэтому, скажем, она отвергала такие требования католицизма, как безбрачие духовенства или исключительное право духовенства на причащение вином; поэтому она отвергала учение католической церкви о «сверхдолжных заслугах» святых перед богом, составивших своего рода фонд благодати, которым свободно может распоряжаться церковь.

Но эти политические и социальные противоречия не исчерпывают всех форм расхождений католицизма и православия: одни из них определяются местными обычаями, в оже-

---

¹ См. А. П. К а ж д а н. Как возникло православие? «Наука и религия», 1966, № 10—12, 1967, № 1.

сточений споров возведенными в принцип; другие объясняются традициями римского юридического мышления, сохранившимися на Западе, тогда как на Востоке особенно сильным было влияние неоплатоновской философии: еще задолго до раскола западные богословы сосредоточили свое внимание на трактовке проблемы греха и воздания за грех, тогда как восточные обсуждали преимущественно вопрос о том, что есть бог и как бог-отец соотносится с богом-сыном.

Итак, религия есть особая форма отражения действительности и, следовательно, особая форма идеологии. Но, пожалуй, из всех форм идеологии религия выделяется своим откровенным стремлением воздействовать на действительность.

Религия — не только фантастические представления в уме людей. Религия претендует на то, чтобы регулировать поведение людей. Начиная от седой первобытности, когда религиозные запреты (табу) регламентировали поведение членов рода и племени, вплоть до нашего времени религия не только и, может быть, даже не столько преподносит верующим учение о сверхъестественном, сколько наставляет их, как надо вести себя в земной жизни.

Религия предполагает наличие специальных групп лиц, посвятивших себя религиозному служению, — от первобытных колдунов до современных священников и монахов, и значительная часть этих лиц, несомненно, руководствуется в своей деятельности осознанными или неосознанными земными интересами. Религия предполагает наличие определенных предметов культа и мест, связанных с культом, — от первобытных фетишей до современных икон и храмов; предполагает, следовательно, наличие известного имущества (иногда довольно значительного), управление которым основано на принципах земной экономики.

Религия не просто отражение действительности, но и могущественное средство воздействия на действительность.

Итак мы подходим к одному чрезвычайно сложному вопросу: как, в каком направлении, с какой целью религия воздействует на действительность?

Как часто мы отвечаем на этот вопрос однозначно: религия **всегда** реакционна, религия **всегда** противник просвещения, искусства, литературы, музыки! Мне думается, что при таком прямолинейном подходе к делу мы легко рискуем попасть впросак ¹.

Прежде всего мы должны учитывать, что религия никогда не замыкается в рамки господствующего класса, напротив, она широко привлекает трудящихся, которые не перестают быть тружениками оттого, что они верующие. Разумеется,

---

¹ См. А. П. К а ж д а н, Христианство и духовная культура, «Наука и религия», 1965, № 8,

религия в классовом обществе (во всяком случае, религия, ставшая господствующей) выступает как средство воздействия господствующего класса на трудящиеся массы, но именно в силу своей массовости религия не может вовсе отказаться от проповеди тех идеалов, которые дороги массам. Религия не может от них отказаться, ибо тогда она потеряет массы.

Среди религиозных людей и среди служителей культа, несомненно, есть такие, кто не демагогически, а искренне проповедует эти идеалы. Религиозность — беда этих людей, но никак не преступление: разграничение по принципу религиозности далеко не всегда совпадает с классовым делением.

Подобное смещение социальных интересов облегчается тем, что религия, как правило, оперирует такими обобщенными понятиями, связь которых с их материальными предпосылками до крайности завуалирована.

Этические учения религий (и в известной мере политические и экономические) обычно крайне туманны и оставляют возможность для самых противоречивых толкований. Недаром христианство оставалось идеалом и для еретиков, которых жгли на костре, и для инквизиторов, которые их жгли.

Далее, на протяжении тысячелетий религия была нормальной формой мировоззрения: все движение человеческой мысли совершалось в религиозных рамках. Трудно отрицать связь палеолитической живописи с магией, древнегреческого театра — с религиозными действиями в честь бога Диониса. Трудно отрицать и заслуги вавилонских жрецов в развитии астрономии или роль раннесредневековых монастырей в распространении просвещения в Западной Европе и на Руси. Та противоположность научного и религиозного мышления, которая отчетливо обнаружилась после великого прогресса естествознания в новое время, существовала далеко не всегда.

Более того. Хотя господствующая религия выражала интересы господствующего класса, протест народных масс на протяжении многих веков принимал религиозную окраску¹.

Религия классового общества проходит два этапа в своем развитии. На первом этапе она выступает как откровенная апология классового общества, открыто защищающая новые порядки. На втором этапе, когда классовая борьба трудящихся обостряется, подобная откровенность становится невозможной: религия, продолжая оставаться в своей сущности мировоззрением господствующих классов и объективно отстаивая их интересы, внешне нередко выступает защитницей обиженных и угнетенных.

С переходом ко второму этапу наблюдаются новые явле-

---

¹ См. А. Донини. Люди, идолы и боги. М., Госполитиздат, 1962, стр. 5.

ния: во-первых, религия приобретает тенденцию превратиться из этнически ограниченной, из религии данного народа во всеобщую, обращенную к разным народам; во-вторых, старинные представления о множестве богов (политеизм) уступают место монотеистическим тенденциям.

Не следует представлять себе дело таким образом, будто переход ко второму этапу религии классового общества явился результатом хитроумной деятельности самих жрецов, рассчитывавших тем самым приобрести большие богатства. Этот процесс был более сложным. Старая религия с ее откровенной защитой несправедливости, с преклонением перед властью имущими не давала ничего трудящимся и угнетенным. Вот почему в их сознании все чаще и чаще зарождались сомнения в том, что милость богов может быть куплена жертвоприношениями, соблюдением всевозможных постов и ритуальных запретов, обильными подарками жрецам. Все чаще и чаще возникало убеждение, что с помощью жертвоприношений, как говорил один древневавилонский писатель, нельзя заставить бога ходить за тобой, как собаку. Не культ, а вера и добрые дела — вот что угодно богам, думали многие.

Любям трудно было примириться с тем, что небо населяют боги, похожие на людей и даже, более того, сохранявшие зверообразные черты, боги, которые спят со смертными женщинами и воюют, обманывают и впадают в гнев. Воспаленная фантазия угнетенного человека создавала иной образ бога — единственного, всемогущего, абсолютно справедливого, не делающего различия между царем и рабом, между египтянином и греком.

Такое религиозное движение, зарождавшееся в разных странах в разные времена, затрагивало широкие круги народных масс, отвечало духовным потребностям трудового люда. На первых порах оно сочеталось с осуждением богатей и власть имущих. «Горе замышляющим беззаконие и на ложах своих придумывающим злодеяния, которые совершают утром на рассвете, потому что есть в руке их сила!», — так восклицали пророки новой религии (Ветхий завет. Мих. 2, 1).

Проходило время, и господствующий класс начинал понимать, что новое учение вполне может быть использовано в его интересах. Оказывалось, что вера в справедливого бога и в божественное воздаяние отлично уживается с эксплуатацией и несправедливостью в земной жизни. Дело заключалось в том, что в новой религии реализация божественной справедливости откладывалась на какое-то время, относилась в загробный мир. Люди верили, что нечестивец, обидчик, эксплуататор будет наказан богом, что праведный бедняк, наоборот, будет возвеличен, но они не ведали, когда это произойдет.

В раннеклассовом обществе люди полагали, что блажен-

ство в загробном мире ждет того, чьи потомки смогут соорудить пышную гробницу и совершить торжественные поминки. Бедняк, у которого не было средств, чтобы обеспечить себе заупокойный культ, обречен был после смерти скорбной тенью носиться, не находя пристанища. Со временем, однако, положение изменилось: египтяне в середине II тысячелетия до н. э. верили, что доступ в страну блаженных откроют тем, кто провел безгрешную жизнь, а нечестивцев пожрет свирепое чудовище.

Но что это значит? Выходит, что новая религия переставала требовать преобразования реальной жизни, в ее программу не входили ни отмена рабства, ни перераспределение земли, ни равноправие. Она лишь сулила тем, кто был несчастен в земной жизни, воздаяние после смерти. Она примиряла верующих с мерзостью сегодняшнего дня ради загробного блаженства. Она надевала на них золотые цепи надежды, но даже золотые цепи оставались цепями.

В религиях современности практически исчез тот элемент, который составлял основное содержание всех первобытных религий, — надежда магически воздействовать на природу: вызвать дождь, обеспечить урожай или улов рыбы. Даже допуская существование высшего существа, верующие ныне, как правило, не склонны допускать его личное вмешательство в распределение плотности осадков, и священнослужители лишь в наиболее отсталых районах берутся за вызывание дождя.

Распространение знаний оставляет все меньше места для противоречащих логике, произвольных связей, порождавших некогда разнообразнейшие верования и обряды. Религия все меньше и меньше имеет дело со сверхъестественными связями реальных предметов, все больше и больше сводится к учению о сверхъестественных существах. Мир земной и сверхъестественный разграничивается все резче: постоянное ожидание чуда (т. е. проявление сверхъестественного в земном мире), так свойственное еще людям средневековья, эмоционально взвинченным, легковерным и наивным, не характерно для религий нашего времени.

И все-таки религия остается. Ее питает, во-первых, сила традиций, консервативность общественного сознания, распространенная убежденность в том, что Христос, Будда или Мухаммед были создателями великих истин; во-вторых, сознательная заинтересованность священнослужителей и руководителей церковных учреждений, всей деятельности которых только религия придает видимость целесообразности; в-третьих, социальная неустроенность современного просвещенного и технически развитого мира, где сохраняется неравенство, угроза войны, расовый гнет и где, следовательно, остается почва для иллюзии, будто соблюдение заповедей божьих может поставить человечество на истинный путь, остается стрем-

ление к конструированию мифологического «дубликата» реального мира.

Бог, повторю еще раз, все больше теряет свое положение в качестве владыки природы; физики и биологи все настойчивее вытесняют его из своего царства. За богом в современной религии остается по преимуществу роль, во-первых, творца и, во-вторых, хранителя морали, высшего этического принципа, воплощенного категорического императива.

Итак, заканчивая брошюру, можно сделать следующие выводы:

1. Религия не является извечной. Она сложилась после длительного периода безрелигиозности, а отнюдь не была вложена в душу человека богом при сотворении людей.

2. Религия не оставалась в том виде, в каком она сложилась в глубокой древности, она развивалась и изменялась, и это развитие религии было обусловлено в конечном счете изменением общественных условий человеческого бытия. Появление земледелия, развитие абстрактного мышления, формирование классового общества — все эти разнородные явления по-своему влияли на формы религии. Воздействие общественных изменений на религиозное творчество осуществляется опосредствованно, через общественную психологию.

3. Религия первобытного мира была фантастическим отражением бессилия человека перед могущественной природой. Это бессилие подменялось в религии мнимой способностью магически воздействовать на силы природы.

4. Религия классового общества выступала как фантастическое отражение социальной несправедливости, на первом этапе откровенно оправдывая эту несправедливость как божественный порядок, а на втором — лицемерно угрожая нечестивцам наказанием, но относя это возмездие либо в загробный мир, либо в далекое будущее.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. и Энгельс Ф. О религии. М. Госполитиздат, 1955.
- Ленин В. И. Социализм и религия. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142—147.
- Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 415—426.
- Плеханов Г. В. О религии и церкви. Избранные произведения М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 607.
- Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., «Наука», 1965.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1965.
- Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., «Наука», 1964.
- Токарев С. А. Религии у разных народов в прошлом и настоящем. М., «Знание», 1961.
- Токарев С. А. Происхождение религии. Изд-во Ереванского университета, 1960.
- Францев Ю. П. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
- Донини А. Люди, идолы и боги. 2-е изд. М., Политиздат, 1966.
- Каждан А. П. Религия и атеизм в древнем мире. М. Изд-во АН СССР, 1957.
- Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., Ин-т. народов Севера, 1936.
- Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. Вып. I—IV. М., «Атеист», 1928.
- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., «Атеист», 1930.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., ГАИЗ, 1937.
- Анисимов А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества. М.—Л., «Наука», 1966.
- Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956.
- Ранович А. Б. Очерк истории древнееврейской религии. М., ГАИЗ, 1937.
- Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М. Учпедгиз, 1957.
- Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. (Италия и западные провинции). М., Изд-во АН СССР, 1961.
- Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М. «Наука», 1964.
- Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., «Наука», 1964.
- Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. Спб. тип. М., М. Стасюлевича, 1914.

Александр Петрович КАЖДАН
ПО ЭТАПАМ ПЕРВОБЫТНЫХ ВЕРОВАНИЙ

Редактор *К. К. Габова*
Худож. редактор *Т. И. Добровольнова*
Техн. редактор *М. Т. Перегудова*
Корректор *А. А. Пузакова*
Художник *Л. П. Ромасенко*

А 01839. Сдано в набор 22.XII 1966 г. Подписано к печати 12.I 1967 г.
Формат бумаги 60×90/16. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0.
Печ л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,78. Тираж 34 400 экз. Издательство «Знание»,
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 4131. Типография изд-ва
«Знание». Москва, Центр. Новая пл., д. 3/4.
Цена 6 коп.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

В первом полугодии 1967 года серия «Философия» предложит вам брошюры:

Доктор философских наук Д. И. Чесноков. Исторический материализм и конкретные социальные исследования. 48 стр. 9 коп.

Рассматриваются взаимоотношения исторического материализма с конкретными социологическими исследованиями, выявляются основные методологические требования, которым эти исследования должны удовлетворять. Значительное место автор уделяет выяснению значения конкретных социальных исследований для коммунистического строительства.

Тем. план. 1967 г. № 56.

Доктор философских наук И. Т. Фролов. Методологические проблемы современной генетики. 48 стр. 9 коп.

Освещая прогресс в современной генетике, автор показывает плодотворность применения диалектики в генетике. В брошюре рассматриваются следующие методологические проблемы: эволюция понятия гена и его современная интерпретация, диалектика случайности и необходимости в наследственных изменениях (мутациях) организмов, проблема детерминизма в генетике, значение и формы теоретических исследований.

Автор опровергает ложный тезис буржуазной науки о том, что материалистическая диалектика не может служить мировоззрением и методом современной науки.

Тем. план 1967 г. № 55.

Рекомендуем интересующие вас книги заказывать в магазинах книготорга и потребкооперации до выхода их в свет.

Предварительный заказ оформляется на обычной почтовой открытке следующим образом: в графах «Куда», «Кому» укажите свой адрес и фамилию, на обороте — фамилию автора, название книги, издательство и порядковый номер по тематическому плану. При поступлении в продажу этой брошюры магазин сразу же поставит вас в известность.

Напоминаем, что брошюры серии «Философия» распространяются, кроме того, по подписке.

В каталоге «Союзпечати» серия «Философия» помещена в разделе «Научно-популярная литература» под рубрикой «Брошюры издательства «Знание». Подписная цена на год 1 руб. 08 коп.

6 коп.

Индекс
70075

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1967